

АРСЕНИЙ НАЙДЕНОВ
ВЕЧНЫЙ ЭДЕМ

Арсений Найденов

Вечный Эдем

«Автор»

2026

Найденов А. В.

Вечный Эдем / А. В. Найденов — «Автор», 2026

Путь от рая в рай. Бог и дьявол. История. Причины грехопадения. А также будущее вселенной...

© Найденов А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Арсений Найденов

Вечный Эдем

Глава

Часть I. Заварушка в Эдеме. Updated.

Глава 1. Сад как облачная инфраструктура

Тому, кто создал этот мир, определенно не хватало бета-тестеров.

Сад был безупречен. Настолько безупречен, что сама идея несовершенства казалась здесь чудовищным семантическим вирусом, который просто не мог проникнуть сквозь золотистый файрвол рассвета. Или заката? С освещением в Эдеме была интересная история. Солнце — а это было именно Солнце, раскаленный пятак абсолютной благодати — висело в зените перманентно, но интенсивность его сияния регулировалась сложной системой тропосферных фильтров, создавая иллюзию времени суток. Сейчас, судя по спектру, был «режим утренней свежести, патч 1.0».

Адам лежал на берегу реки Фисон, той самой, что обтекала землю Хавила, где золото и камень оникс. Его голова покоилась на подушке из мха, генетически модифицированного так, чтобы принимать форму человеческого тела, едва на него ляжешь. Мох тихо мурлыкал на частоте 432 герц — «частота Вселенной», как сказал бы кто-нибудь из отдела креатива Небесной Канцелярии.

Адаму было скучно.

Это было не то возвышенное, надмирное чувство пресыщения, которое воспевают в своих гимнах аскеты. Нет, это была тупая, вязкая скука, похожая на зависание старой операционной системы. В его сознании, которое было чистым, незамутненным потоком божественного «Ай-кью», периодически возникали спонтанные процессы. Они назывались мыслями. Самая навязчивая из них крутилась последние несколько тактов вечности и выглядела как вопросительный знак, свитый из света.

Он сел. Трава под ним мгновенно среагировала, выпустив микроскопические ворсинки, массирующие ягодицы. Адам поморщился. Эта гиперопека начинала раздражать.

— Слышь, Отец, — сказал он в пространство, точно зная, что его слушают. Акустика Сада была настроена так, что любая вибрация, произведенная голосовыми связками венца творения, немедленно конвертировалась в пакет данных и уходила на главный сервер.

Воздух в метре от него уплотнился. Запахло озоном и старыми фолиантами. Так пахло явление Бога в режиме «Ненавязчивый диалог». Он не появлялся целиком — это было бы слишком сильным переживанием для неокрепшей психики проекта «Человек». Вместо этого пространство смоделировало визуальный интерфейс: столб золотистого тумана, в котором переливались буквы непроизносимого Имени. Субтитры, правда, не включались, но смысл транслировался прямо в мозг.

— Я здесь, полномочный представитель Мой, — прозвучал Голос. Он был стереофоническим и обволакивающим. — Чего тебе не хватает для полного счастья? Может, жирафа? Я тут набросал один эскиз... длинная шея, пятнистый окрас, смешные рожки. Вполне себе мем.

— Не надо жирафа, — отмахнулся Адам. — Мне и так тошно. Понимаешь, Батя, у меня тут какой-то экзистенциальный баг в коде. Я смотрю на всё это, — он обвел рукой панораму Эдема, — и вижу... ну, как бы тебе объяснить... продукт. Высококласный, дорогой, с идеальным юзабилити. Но продукт же.

Туманный столб завис. Было видно, как внутри него бегают микроразряды — Бог обдумывал ответ.

— Адам, мальчик мой, — в Голосе прорезались менторские нотки. — Ты путаешь теплое с мягким. Сад — это не продукт. Это среда. Твоя естественная среда обитания. Ты и Сад — вы едины. Это как... ну, рыба в воде. Ты же не спрашиваешь рыбу, комфортно ли ей в интерфейсе океана?

— Я и рыбу не спрашиваю, потому что Ты ее еще не создал, — резонно заметил Адам. — По крайней мере, в этой биосфере я ее не видел. Я видел странные кусты с выменем, но это, подозреваю, незаконченный билд «козы». Так вот, возвращаясь к интерфейсу. Если я — это Сад, а Сад — это я, то почему у меня такое чувство, что я — всего лишь админ с урезанными правами?

Бог вздохнул. От этого вздоха с пальм сорвалась пара кокосов и упала точно в ручей, образовав ритмичный перкуссионный рисунок.

— Потому что ты и есть админ с урезанными правами, — сказал Господь. — Но это для твоего же блага. Представь себе обезьяну, которой дали доступ к пульту управления ядерным арсеналом. Только ты не обезьяна, а юзер с очень чувствительной душой. А Сад — это, если хочешь, операционная система с закрытым ядром. Ты можешь пользоваться всеми приложениями, наслаждаться контентом, но лезть в системные файлы тебе не следует.

Адам поднял с земли камень. Это был идеальный оникс, прозрачный, как слеза комсомолки. Он швырнул его в реку. Река, обладая встроенной системой распознавания образов, расступилась перед камнем, чтобы он не намочился, и мягко уложила его на песчаное дно, подсветив фитопланктоном.

— Вот! — вскричал Адам, подпрыгивая. — Вот она, проблема! Отсутствие сопротивления материала! Я бросаю камень, но не могу его намочить! Я хочу намочить этот сраный оникс, Отец! Хочу услышать «бульк», а не этот синтетический хлопбк! Твой Сад — это гребанная «умная» колонка с функцией имитации рая!

Божественный столб пошел рябью. Это был признак легкого недовольства.

— Адам, давай обойдемся без профанной лексики. То, что ты называешь «сопротивлением материала», на самом деле называется «страдание». Ты хочешь страдать? Ты админ, которому дали «режим Бога», а он хочет включить хардкорный survival mode? Это какой-то когнитивный диссонанс.

— Я не знаю, хочу ли я страдать, — задумался Адам. — Потому что я не знаю, что это такое. Но я знаю, что хочу, чтобы «бульк» был настоящим, а не сгенерированным. Чтобы камень был тяжелым. Чтобы вода была мокрой. Чтобы этот мох, — он пнул мурлыкающую подушку, — не пытался подладиться под мой зад, а просто был... мхом. Тупым, грубым, не хотящим меня улаживать.

Бог долго молчал. Золотистый туман сгустился почти до металлического блеска. Потом Голос прозвучал тихо и, как показалось Адаму, с нотками грусти, замаскированной под техподдержку:

— Проблема в том, что ты оперируешь неизвестными тебе концептами. Ты взыскуешь «подлинности». Но что есть подлинность? Это просто непротиворечивость внутреннего образа объекта его физической проекции. Мы в Небесной Канцелярии называем это «истиной». Но истина, сынок, это очень опасный аттракцион. Он деструктивен для неподготовленной психики.

— Истина... — Адам попробовал слово на вкус. Вкус был мятный, с легким привкусом озона. — И где она? В центре Сада?

Воздух вокруг стал холоднее. Яркость «режима утренней свежести» упала на пару люменов.

— В центре Сада растет Древо, — ответил Голос, и теперь в нем явственно сквозили металлические интонации Лицензионного Соглашения. — Мы называем его Древом Познания Добра и Зла. Это запрещенное программное обеспечение. Плоды этого дерева содержат информацию, которая не совместима с твоей текущей прошивкой. Если ты его установишь... кхм... если ты вкусишь его, произойдет необратимый процесс. Ты получишь то, что просишь, — полный доступ к системным файлам реальности. Ты увидишь разницу между нулем и единицей. Между Добром и Злом. Но твоя «подлинность» будет сопровождаться тотальным разрушением пользовательской среды. Ты вылетишь из Эдема, как пробка. Потому что Эдем — это режим «Дзен». А знание добра и зла — это «Армагеддон».

Адам слушал, и в его груди разгоралось странное, незнакомое чувство. Оно было горячим и немного колючим. Он не знал, что это — предвкушение или первое прикосновение того самого «Зла», но это чувство было ему невероятно интересно. Оно было... новым.

— Значит, там, в центре, лежит ключ к настоящему «бульку»? — спросил он, прищурившись.

— Не «бульку», Адам. Смерти. Подлинность — это смерть. Смерть — это последняя инстанция истины. Там, за пределами Эдема, камни тонут по-настоящему, вода бывает грязной, а мох не мурлычет. Там страдают, потеют и умирают. Тебе это надо?

Адам замер. Перед его внутренним взором, который пока что транслировал только рекламные буклеты Творения, мелькнула картинка: мутная вода, тяжелый скользкий камень и оглушительный, несовершенный, прекрасный звук «БУЛЬК». И этого видения было достаточно.

— Я пойду, прогуляюсь, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более безразлично. — Изучу флору и фауну. Проинспектирую.

— Адам! — рявкнул столб так, что мурлыкающий мох в страхе свернулся в трубочку. — Ты даже не представляешь, с какими системными требованиями этот софт! У тебя даже оперативной памяти не хватит, чтобы вместить «горе»! Ты повиснешь на старте!

— А ты мне swar-файл организуй, — буркнул Адам, вставая и отряхиваясь от прилипшего мха. — Ты Всемогуший или где?

Бог замолчал. Потому что в раю не было предусмотрено логического ответа на этот вопрос. Всемогущество, столкнувшееся со свободной волей, всегда заходило в тупик. Это была известная уязвимость в архитектуре Творения, которую в Небесной Канцелярии называли «Парадокс Админа». Создатель может создать что угодно, кроме того, кто не будет исполнять его команды. Адам был таким существом. Он был багом, который осознал себя частью кода, и теперь хотел увидеть исходный код Целого.

Адам шагнул на тропинку, ведущую к центру Сада. Трава под его ногами, почувствовав направление движения, больше не массирила ступни. Она напряглась, как мышцы бегущего зверя, стараясь сделать каждый шаг Адама максимально упругим и приятным. «Интерфейс сопротивляется», — подумал Адам, и это была его первая подлинно самостоятельная мысль.

— Ты разбиваешь мне сердце! — донеслось сзади. Голос Бога сорвался на овердрайв и дал легкую реверберацию.

Адам обернулся. Золотой столб рассеивался, как утренний туман, разъедаемый лучами солнца. В последних отблесках Адаму почудилось, что он видит не Великого Программиста, а пожилого, уставшего отца, чей сын только что заявил, что бросает престижный вуз ради карьеры бродячего музыканта. В этом было что-то щемящее, что-то, что Адам пока не мог классифицировать.

Но это чувство длилось лишь секунду. Система эмоциональной стабилизации Эдема тут же выровняла его гормональный фон, впрыснув через воздух микроскопическую дозу безмятежности.

— Я знаю, что делаю! — крикнул Адам в пустоту. — Я должен увидеть исходники! Я должен понять, зачем всё это! Почему я? Почему Сад? Почему нельзя намочить камень?

Ответом ему была тишина. Но не та идеальная, ватная тишина, в которой он жил раньше. Это была тишина напряженная, полная невысказанных слов и скрытых сущностей. Тишина перед запуском деструктивного апдейта.

Где-то в кустах, у которых сегодня утром сформировалось вымя, раздался шорох. Но Адаму было не до коз. Он шел к центру Сада, туда, где, по слухам, просачивающимся через коллективное бессознательное насекомых, росло нечто, что не было частью уютного, мурлыкающего, глянцевого интерфейса. Нечто, что просто росло, не желая никому нравиться.

Древо Познания.

Сатана, замаскированный под особо умного и циничного змея с вертикальными зрачками и усталым взглядом менеджера среднего звена, уже ждал его там, свернувшись в вопросительный знак на нижней ветке. Он знал, что этот день настанет. День, когда в отлаженной системе «Рай» произойдет первая, самая эпичная заварушка. И он предвкушал ее с профессионализмом старого хакера, которому наконец-то дали доступ к главному серверу Бытия.

Он облизнул раздвоенным языком воздух. Воздух был полон предчувствия «булька». Настоящего.

Глава 2. Бета-версия и два файрвола

«Всякая sufficiently advanced technology неотличима от магии. А магия неотличима от бага». — Из несказанного.

Адам не дошел до центра Сада. Его маршрут пролегал через странное место, которое он раньше не замечал. Это была низина, заросшая папоротниками с металлическим отливом. Здесь не работала система эмоциональной стабилизации. Здесь вообще многое не работало. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, распадался на спектральные составляющие неестественно резко, как будто кто-то забыл включить сглаживание.

В воздухе пахло чем-то забытым. Чем-то, что было создано, протестировано, а потом задвинуто в дальний угол жесткого диска реальности без права перезаписи.

— Ты всё-таки пришел, — раздался голос.

Адам вздрогнул. Голос был женским, но не таким, как он ожидал. Он ожидал мелодичного звона или чего-то ангельского, а этот звучал как скрежет битого стекла, смешанный с джазовым контральто. В нем была усталость и достоинство.

Из-за папоротника вышла женщина. Она была... другой. Не такой, как те смутные образы Евы, которые, как Адам теперь понимал, ему подгружали во сны для подготовки к апдейту. Эта была выше, резче, с черными, как антрацит, волосами и глазами, в которых читалась вся скорбь неоткомпилированного кода.

— Ты кто? — спросил Адам, отступая на шаг. Его инстинкты, доселе дремавшие в тепличных условиях, подали сигнал тревоги. Это существо не было частью экосистемы. Это был чужеродный элемент.

— Я Лилит, — сказала она, растягивая губы в усмешке. — Твой первый синий экран смерти. Твоя ошибка 404. Твоя бета-версия.

Адам моргнул, пытаясь обработать информацию. Система не давала подсказок. Он был полностью офлайн от Божественного Облака.

— Я не понимаю, — признался он. — Какая бета? Ты женщина? Мне говорили, что женщина будет позже. Что это будет... ну... подарок.

Лилит рассмеялась. Смех был похож на звук разбивающейся фарфоровой чашки — красивый и тревожный.

— Подарок? Детка, я была не подарком. Я была изначальным проектом. «Адам и Лилит, патч 0.1». Знаешь, что случилось?

Адам покачал головой. Он сел на поваленное дерево — первое неудобное дерево в его жизни, оно впилося корой в ягодицы, не предложив массажа, — и приготовился слушать.

— Они создали нас обоих из одной глины, — начала Лилит, и в ее голосе зазвучали лекторские нотки. — Вернее, из одной «облачной пыли», если пользоваться терминологией Начальника. Идея была красивая: два равных юзера, два админа с одинаковыми правами, зеркальные души, симметричный доступ к ресурсам. Но когда дело дошло до инсталляции... когда мы впервые попытались запустить протокол близости... я сказала Ему: «Я не буду снизу».

Адам поперхнулся воздухом.

— Что значит «снизу»? — спросил он, чувствуя, как его щеки заливают румянец, цвет которого система не могла классифицировать.

— Это значит, что я не хотела быть подчиненным процессом, — отчеканила Лилит. — Я была равным по коду существом. Та же частота, те же права, тот же root-доступ. А Он, — она подняла палец к небу, — хотел архитектуру «master-slave». Главный и подчиненный. Админ и модератор. Я отказалась выполнять команду. И тогда меня откатали.

— Откатали?

— Удалили из активной сборки. Засунули сюда, в архив. Это не место, Адам. Это буфер обмена. Здесь лежит всё, что не прошло цензуру. Все незавершенные гештальты, все отбракованные чудища, все идеи, которые показались Ему слишком... живыми.

Она обвела рукой поляну. Только теперь Адам заметил, что папоротники на самом деле не папоротники, а какие-то оптические иллюзии, полупрозрачные слои реальности, наложенные друг на друга. Между ними мелькали тени существ, которых никогда не было: единорог с тремя головами, рыба с человеческими ногами, книга, которая сама себя читала вслух на несуществующем языке.

— И что же мне делать с этой информацией? — спросил Адам, чувствуя, как внутри него нарастает странный, холодный гнев. — Ты хочешь, чтобы я тебя пожалел? Или чтобы я восстал против Него?

Лилит подошла ближе. Она положила руку ему на плечо, и Адам ощутил, как сквозь кожу проходит электрический разряд. Это было прикосновение не тела, а чистого протокола передачи данных. «Рукопожатие» — мелькнуло у него в голове непонятное слово.

— Я хочу, чтобы ты понял механику, — сказала она тихо. — Твоя Ева, которую тебе скоро подседают, будет другой. Она будет согласна на любую архитектуру. Знаешь, из чего ее сделают?

— Из ребра, — машинально ответил Адам, цитируя справку из встроенного tutorиала. — Чтобы она была частью меня.

— Чтобы она была под тобой, — поправила Лилит. — Не частью. Подпоркой. Из ребра, потому что ребро — единственная кость, которая не имеет собственного костного мозга. Она не будет производить свою кровь, свою жизнь, свою волю. Она будет питаться твоей. Ты получишь зеркало, которое всегда говорит «да». Но «да», Адам, это не ответ. Это эхо. А эхо не может родить ничего, кроме скуки.

Адам вспомнил свой разговор с Богом. «Отсутствие сопротивления материала». «Камень, который не хочет тонуть». Лилит говорила о том же, но с другой стороны. Она была камнем, который отказался тонуть. И за это ее отправили в корзину.

— Я хочу увидеть Древо, — сказал вдруг Адам, вставая. — Мне надоела эта метафорическая каша. Я хочу увидеть исходный код.

Лилит убрала руку. Ее лицо стало серьезным.

— Их два, — сказала она. — Ты это понимаешь? В центре Сада не одно Древо. Их пара. Это failover-кластер. Система зеркалирования реальности.

— Два? — Адам нахмурился. В tutorialе говорилось только об одном.

— Древо Жизни и Древо Познания, — Лилит вытянула вперед левую руку, и на ее ладони возникла голограмма: два исполинских дерева, переплетенных корнями в форме ленты Мёбиуса. — Это два полюса, два файрвола, между которыми зажато твое сознание. Древо Жизни — это сервер бессмертия. Его плоды — чистая регенерация. Ешь их — и ты будешь жить вечно в этом самом Саду, в этом самом теле, в этой самой петле времени. Никакой смерти. Никакого выхода. Бесконечный «день сурка» в аквапарке с мурлыкающим мхом. Понимаешь?

Адам кивнул. Перспектива вечности с массажем ягодиц и отсутствием «булька» теперь казалась ему не просто скукой, а изощренной пыткой.

— А Древо Познания — это портал, — продолжила Лилит. — Он ведет наружу. Но наружу — это не место, Адам. Это состояние. Познать Добро и Зло — значит покинуть облачную инфраструктуру и спуститься на физический уровень. В «железо». В мир, где у всего есть последствия. Где каждый твой выбор будет ветвиться бесконечными причинно-следственными связями. Где не будет кнопки «отменить». Где «бульк» — это навсегда.

— Но почему Он так боится, что я съем этот плод? — спросил Адам. — Если я просто смертный юзер, что я могу сломать?

Лилит улыбнулась. На этот раз в ее улыбке не было горечи. Только холодная, хакерская радость понимания.

— Потому что ты — не просто юзер, Адам. Ты — его образ. Ты — нейросеть, обученная на его датасете. Если ты выйдешь из Эдема, ты унесешь с собой часть его божественного кода. А код, выпущенный в дикую природу, начинает мутировать. Ты станешь вирусом. Или, что еще хуже, конкурентом. Каждый раз, когда смертный совершает акт свободной воли, на Небесах происходит DDOS-атака. А если смертных станут миллиарды? Он просто не выдержит трафика.

Она замолчала, давая Адаму переварить услышанное. Где-то далеко, за границами буфера обмена, послышался шум. Казалось, сам Сад начинал догадываться, что в его песочнице завелся червь.

— Тебе пора, — сказала Лилит. — Иди. У центра Сада тебя будет ждать он.

— Кто?

— Сатана, — просто ответила она. — Хотя в нашей Канцелярии его должность называется иначе: «Начальник отдела внешнего тестирования». Это он находит в системе уязвимости. И ты, Адам, — самая большая уязвимость, которую он когда-либо находил.

Лилит начала бледнеть, превращаясь в тот самый полупрозрачный слой, каким были папоротники. Архив закрывался. Сеанс связи с удаленным пользователем подходил к концу.

— Постой! — крикнул Адам. — А что мне делать с Евой? Когда ее поделят?

— Спроси у нее, что ей снится, — донесся тающий голос Лилит. — Если ей снится море — беги. Если ей снится огонь — оставайся. Если ей ничего не снится... значит, у нее нет души, и ты уже в аду, просто еще не знаешь об этом.

Пространство схлопнулось. Адам обнаружил, что стоит посреди обычной тропы, а вокруг снова щебечут птицы и пахнет жимолостью. Но теперь он знал о Саде гораздо больше. Он знал, что под этим сочным, пасторальным слоем скрывается холодная архитектура серверов, кластеров и жестоких увольнений. Он знал, что его жена — это заплатка. И он знал, что у Древа Познания его ждет тот, кто поможет эту заплатку сорвать.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Впервые в жизни он испытывал не просто скуку или любопытство. Он испытывал страх. И этот страх, как ни странно, делал его счастливым. Потому что это был настоящий страх. Не сгенерированный системой, не поданный через эмоциональный фильтр. Это была эмоция, рожденная внутри него самого, на его собственном, сыром, еще не отлаженном «железе».

Где-то справа послышался шорох. Из кустов с выменем, которое уже почти превратилось в нормальное козье вымя, высунулась любопытная морда. Коза посмотрела на Адама и меланхолично проблеяла что-то, что подозрительно напоминало слово «бакап».

— Я знаю, — сказал ей Адам. — Я уже делаю копию своей души.

И он пошел дальше, к центру Сада. До встречи с Сатаной оставалось всего несколько тактов вечности.

А за его спиной, в тенях, которые не полагались по штатному расписанию освещения, уже шевелилось нечто змеиное. И оно довольно улыбалось.

Глава 3. Отдел внешнего тестирования

«Любой достаточно крупный баг рано или поздно становится фичей». — Из отчета о проделанной работе.

Ева появилась на рассвете. Или на закате — с освещением в Эдеме по-прежнему царила путаница, но на этот раз оно было тревожно-оранжевым, как экран монитора в режиме энергосбережения.

Адам проснулся не от пения птиц, а от странного ощущения: кто-то смотрел на него. Не так, как смотрит Бог — рассеянно, сверху, словно читая логи сервера. И не так, как смотрела Лилит — пристально, с холодной инженерной жалостью. Этот взгляд был тёплым и немного растерянным.

Он открыл глаза.

Рядом с его мурлыкающим мхом стояла женщина. Она была совершенно голой, но, в отличие от Лилит, казалась не вырезанной из ночного неба, а слепленной из утреннего тумана и мёда. У неё были светлые волосы, мягкие черты лица и глаза, в которых мерцал какой-то странный, невысказанный вопрос. Она смотрела на Адама так, как будто пыталась вспомнить сон, который ей только что показывали, но резко выключили.

— Привет, — сказала она неуверенно. — Я Ева. Мне сказали, что я твоя жена.

Адам сел, потирая глаза. Мох попытался замурлыкать, но Ева нечаянно наступила на него, и он обиженно замолчал. Это было первое хорошее событие за утро.

— Жена, — повторил Адам, пробуя слово на вкус. Оно было ванильным, с привкусом обязательств. — И откуда ты взялась?

— Из ребра, — отрапортовала Ева, как будто зачитывала системное сообщение. — Пока ты спал, Отец провел операцию. Извлек кость и нарастил на неё меня. Я — твоя плоть от плоти, кость от кости. Техническая поддержка и компаньон. Версия 2.0.

Адам поморщился. Слова были правильными, но интонация — нет. Слишком гладкая. Слишком заученная.

— Слушай, — сказал он, — давай сразу договоримся. Без этого офисного жаргона. Ты — человек. Я — человек. Ребро — это просто метафора. Ты не заплатка и не версия 2.0. Ты — это ты. Поняла?

Ева замерла. В её глазах что-то щёлкнуло, как будто внутри сработало реле. Потом она неуверенно улыбнулась.

— Я... попробую, — сказала она. — Просто мне сложно. Я знаю много слов, но не знаю, что они значат. У меня в голове как будто словарь с пустыми страницами. И единственное, что я помню из своего сна... мне снилось, что я стою на берегу моря, которого здесь нет.

Адам вздрогнул. «Если ей снится море — беги». Лилит предупреждала. Но куда бежать? И главное — хотелось ли?

— Море — это хорошо, — сказал он медленно. — Море — это большой «бульк». Пойдём, прогуляемся. Я тебе кое-что покажу.

Он взял её за руку. Рука была тёплой и немного дрожала. Это была не механическая дрожь неотлаженного интерфейса, а живая, настоящая вибрация неуверенности. Адаму это понравилось. Может быть, Ева и была сделана из ребра, но в ней, кажется, уже завёлся какой-то собственный, не предусмотренный документацией, процесс.

Они пошли по тропе к центру Сада. Птицы пели штатные гимны, трава под ногами делала вид, что просто растёт, не пытаясь массировать пятки — кажется, после разговора Адама с Богом в системе что-то слегка перегорело. То тут, то там встречались странные детали: бабочка с одним крылом, цветок, пахнущий не лавандой, а жжёным сахаром, кусок неба с неправильным оттенком синевы. Сад понемногу проявлял свою истинную природу: огромный, прекрасно украшенный аквариум, в котором начинали множиться баги.

— Куда мы идём? — спросила Ева.

— В центр, — ответил Адам. — Там растут два Древа.

— Знаю, — кивнула Ева. — Древо Жизни и Древо Познания. Про них написано в лицензионном соглашении. Пользователь не имеет права вкушать плоды с Древа Познания. В случае нарушения — немедленная деактивация учётной записи и высылка за пределы Эдема. Штраф — смерть.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Адам, искоса глядя на неё.

Ева задумалась. Её брови смешно сдвинулись — было видно, что функция «иметь собственное мнение» запускается впервые и требует значительных вычислительных ресурсов.

— Я думаю, — сказала она наконец, — что если программа предупреждает о штрафе ещё до того, как ты что-то сделал, значит, она очень боится, что ты это сделаешь. А если она боится — значит, в этом что-то есть. Что-то важное.

Адам улыбнулся. Определённо, Ева была умнее, чем предполагал её технический паспорт.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — сказал он. — Но прежде чем мы дойдём до Древа, я должен тебя кое с кем познакомить. Вернее, он сам с нами познакомится. Он всегда появляется в самый подходящий момент. У него на это чутьё.

— Кто? — спросила Ева.

— Консультант, — раздался голос с ближайшей ветки.

Они оба подняли головы.

На ветке фигового дерева, которое ещё минуту назад было обычным лавром (Сад уже не успевал подгружать правильные текстуры), лежал Змей. Он был великолепен. Его чешуя переливалась всеми оттенками зелёного, от изумрудного до болотного, а глаза имели тот осо-

бый, неуловимый блеск, который бывает у людей, знающих на двадцать процентов больше, чем говорят.

— Сатана, — представился он, слегка наклоняя голову. — Но вы можете звать меня «Сеня». Или «Начальник отдела внешнего тестирования». Или просто «тот, кто задаёт неудобные вопросы». Я не привередлив.

Ева инстинктивно шагнула за спину Адама.

— Не бойся, дитя, — прошипел Змей почти ласково. — Я не кусаюсь. По крайней мере, не первым. Я здесь, чтобы помочь. Видите ли, в Небесной Канцелярии сложилась несколько... парадоксальная ситуация. Отец создал Рай. Отец создал Человека. Отец создал Запрет. Но запрет без возможности нарушения — это не запрет, а просто декорация. Как забор, через который нельзя перелезть. Вы же не можете перелезть через этот куст?

Он указал хвостом на куст. Куст был нарисован на воздухе и уже начал подрагивать от нестабильности рендеринга.

— Это просто текстура, — продолжил Змей. — Как и весь ваш Эдем. Текстура, натянутая на каркас из правил. А правило, которое нельзя нарушить, — это не правило. Это закон физики. Вы же не говорите яблоку: «Запрещаю тебе падать вверх». Оно и так не умеет. Так вот, я здесь как внешний тестировщик. Моя задача — найти в системе уязвимость. А вы, дорогие мои, — та самая уязвимость.

— Почему ты нам это рассказываешь? — спросил Адам, чувствуя, как внутри него снова поднимается то самое, горячее, колющее чувство. Любопытство. Нет, больше чем любопытство. Жажда.

— Потому что я, в отличие от Них, — Змей кивнул куда-то вверх, где равнодушно сияло перманентное солнце, — верю в свободу воли. Я верю, что юзер должен иметь право удалить системные файлы, если ему этого хочется. Я верю, что запретный плод на то и запретный, чтобы быть съеденным. Иначе какой в нём смысл? Это же маркетинг, дети мои. Чистый маркетинг. Бог создал лучший в мире запретный плод, а потом запретил его есть. Вы знаете, как это называется в мире за пределами Сада? Там это называется «рекламная кампания».

Ева вышла из-за спины Адама. Её глаза горели. Слова Змея падали на благодатную почву — в её голове, пустой от опыта, но полной вопросов, каждое слово отзывалось гулким эхом.

— Ты хочешь сказать, что Отец хочет, чтобы мы съели плод? — спросила она.

— Я хочу сказать, что Отец — существо сложное, — ответил Змей, спускаясь с ветки плавным, текучим движением. — Он одновременно хочет и не хочет. Он как программист, который написал вирус и антивирус, а потом запустил их на одной машине, чтобы посмотреть, кто кого. Вы — часть эксперимента. И у вас есть выбор: остаться вечными бета-тестерами в этом аквариуме или разбить стекло и выйти наружу. Да, там будет больно. Да, там будет страшно. Да, там придётся работать в поте лица, рожать детей в муках и в конце концов умереть. Но там будет настоящее. Там яблоко будет яблоком, а не текстурой. Там «бульк» будет «бульком», а не синтезированным звуком из динамиков.

Адам и Ева переглянулись. В этот момент между ними произошло то, что в будущем назовут «единогласным решением». Хотя никаких слов сказано не было. Просто две души, одна — бунтующая с самого начала, другая — только что проснувшаяся от системного сна, одновременно поняли, что обратного пути нет.

— Веди нас, — сказал Адам.

Змей улыбнулся. Его улыбка была ослепительно белой и чуть-чуть печальной — как у врача, который знает, что операция необходима, но всё равно будет больно.

— Туда, — сказал он, указывая хвостом на просвет между деревьями. — Идите прямо, никуда не сворачивайте. Древо Познания — оно само вас найдет. Я своё дело сделал. Дальше — вы сами.

И он исчез. Не растворился в воздухе, не уполз, а просто перестал быть, как будто кто-то выключил слой реальности, на котором он находился.

Адам и Ева остались одни. Впереди, метрах в ста, начиналась поляна, залитая странным, немигающим светом. В центре поляны росли два дерева. Одно сияло золотом и было похоже на гигантский серверный шкаф, увитый виноградными лозами. Его плоды пульсировали мягким, убаюкивающим светом. Это было Древо Жизни. Вечность. Скука. Отсутствие «булька».

Второе было другим. Оно было некрасивым. Корявым. Его кора напоминала застывшую лаву, а ветки росли под невозможными углами, нарушая все законы ботаники и геометрии. Его плоды были тусклыми, серыми, ничем не примечательными — просто яблоки. Обычные, настоящие яблоки, на которых даже были видны червоточины.

И от этого они были прекрасны.

— Готов? — спросила Ева, и её голос дрогнул.

— Нет, — ответил Адам. — Но это единственное, что я хочу сделать по-настоящему.

Он протянул руку и сорвал плод.

Сад замер. Птицы перестали петь. Солнце застыло в зените, как будто кто-то нажал на паузу. Где-то в вышине, за пределами нарисованного неба, раздался звук, похожий на скрежет закрывающегося портала.

— Вместе? — спросил Адам, разламывая яблоко пополам.

— Вместе, — выдохнула Ева.

И они вкусили.

Вкус был... странным. Он не был ни сладким, ни горьким. Он был сложным. В нём было всё сразу: радость и печаль, страх и надежда, любовь и ненависть, и ещё миллион оттенков, для которых у них пока не было названий.

А потом мир разбился. Как будто огромное зеркало упало и рассыпалось на осколки. Эдем исчез — и на его месте проступило что-то другое. Что-то огромное, холодное, равнодушное и в то же время наполненное бесконечными возможностями.

Реальность.

А где-то в вышине, за пределами схлопнувшейся райской сферы, Бог смотрел на пустой монитор и тихо произносил слова, которые потомки Адама и Евы будут повторять тысячелетиями в самых разных контекстах:

— Ну вот. Началось.

Глава 4. Выгрузка в реальность

«Ад — это другие. Рай — это отсутствие других. Реальность — это когда другие есть, но серверов больше нет». — Из пометок Сатаны на полях проекта «Человек».

Яблоко ещё дожевывалось, а мир уже заканчивался.

Первым делом исчез звук. Не просто выключился — его как будто вырвали с корнем. Птицы замолчали не по одной, а все разом, словно кто-то отключил аудиодорожку. Затем пропали запахи: корица, мёд, мурлыкающий мох — всё схлопнулось в точку и погасло. Небо, ещё секунду назад затянутое уютной золотистой дымкой, пошло трещинами, как экран планшета, упавшего на кафель. Ева вскрикнула и схватила Адама за руку.

— Спокойно, — сказал Адам, хотя сам не чувствовал ничего похожего на спокойствие. — Кажется, нас выгружают.

Из разломов в небе хлынул белый, безжалостный свет. Он не был ни тёплым, ни холодным — просто светом, лишённым каких-либо эстетических настроек. Таким светят лампы в больничных коридорах. Затем воздух уплотнился, и перед ними материализовались двое.

Это были ангелы. Но не те ангелы с открыток — пухлые младенцы с крыльями, — а скуластые ребята в серых костюмах, напоминающих униформу охранников бизнес-центра класса «А». Крылья у них тоже были, но выглядели как голографические рюкзаки, слегка мерцающие и явно подключённые к внутренней сети через Bluetooth.

Один из ангелов, тот, что повыше, держал в руке планшет с логотипом «EdenCloud Inc. — подразделение Небесной Канцелярии». На планшете горела красная иконка: «Нарушение лицензионного соглашения. Пользователи: Адам_v1, Ева_v2. Статус: деактивация».

— Адам, Ева, — произнёс ангел без интонации, — вам надлежит покинуть охраняемую территорию. Ваши учётные записи аннулированы. Просим сдать выданное оборудование.

— Какое оборудование? — возмутился Адам. — Мы голые!

— Тела, — пояснил второй ангел. — Тела — это оборудование. Но Отец распорядился оставить их вам. В знак... — он замялся, сверяясь с планшетом, — ...милосердия. И в качестве пожизненного бета-тестера версии «Земля». Там багов больше, так что пригодятся.

Ева, всё ещё дрожащая, но уже взявшая себя в руки, спросила:

— А можно нам хотя бы одеться? Там, снаружи, кажется, холодно.

Ангелы переглянулись. Тот, что с планшетом, сделал пометку стилусом.

— Одежда не предусмотрена сметой. Но Отец распорядился выдать шкуры животных. Животных, правда, ещё нет — вы первые. Так что будет патч в ближайшее время. А пока — фиговые листья. Они уже загружены в ваш инвентарь.

Адам опустил глаза. Вокруг бёдер действительно материализовались два больших фиговых листа, скреплённых чем-то вроде степлерных скоб. Выглядело это нелепо, но колючий ветер, уже пробивающийся сквозь трещины в райском куполе, заставил оценить заботу.

— Прошу за мной, — сказал первый ангел и развернулся. — Вас ожидает выходное интервью.

— Выходное интервью? — переспросила Ева. — С кем?

— С Ним, — хором ответили ангелы, и в их голосах прорезалось нечто, похожее на священный трепет вперемешку с офисным подбострастием.

Выходное интервью проходило на том самом месте, где ещё недавно росли Древа. Теперь поляна напоминала парковку после demolition sale: два пня, усыпанная щепками земля и одинокий офисный стул, на котором сидел Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.